

Евстратьев О. И.

**«ОБЕЩАЕМ ЕХАТЬ В НОРВЕГИЮ»:
СВЕДЕНИЯ ОДНОГО ТРУДОВОГО КОНТРАКТА
О ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ
«РУСАКОВ» В XVII В.**

«Колониальные мечты» белорусов

В отечественной историографии устоялось представление о весьма низкой территориальной мобильности «белорусских» крестьян в условиях традиционного аграрного общества раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.). Даже в XIX в., после отмены крепостного права в Российской империи, «сяляне выпраўляліся з роднай вёскі на аддаленыя заробкі без асаблівага жадання. Праваслаўны святар з Гродзенскай губерні Канстанцін Макавельскі так пісаў у 1866 г. пра стаўленне да адыходніцтва на заробкі сярод мясцовых сялян: “Наш Беларус домосед, пускатся на далыныя заробкі он не большой охотник. Редкие крестьяне нанимаются в летнее время в другой уезд. В прошлом году смельчаки из них ходили на работу в Новогеоргиевск (крепость в Царстве Польском), и им казалось, что они удаляются от своей родины нисколько не ближе, как в тридесятое государство”» [цит. по: 22, с. 121 – авторская орфография и пунктуация сохранены]. Однако, как и практически в любом социальном явлении, в данном случае обнаруживаются отклонения от нормы, демонстрирующие крайние пределы географической подвижности «белорусских» земледельцев в рассматриваемую эпоху. В Латвийском государственном историческом архиве (*Latvijas Valsts vēstures arhīvs*) в Риге, в фонде 554 «Курляндский герцогский архив» (*Kurzemes hercogu arhīvs*), хранится документ, содержащий сведения об одной из таких «девиаций».

Прежде чем приступить к анализу этого источника, необходимо очертить его исторический бэкграунд. Нам довелось ознакомиться с данным документом в сентябре 2016 г. в ходе подготовки кандидатской диссертации по теме «Колониальная политика герцогства Курляндия и Семигалия в XVII–XVIII вв.». Курляндское герцогство на всем протяжении своего существования в 1561–1795 гг. находилось в состоянии вассальной зависимости от правителей Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Данное обстоятельство легло в основу историографических претензий некоторых польских публицистов на бывшие колонии

курляндских герцогов Якоба (годы правления 1642–1681) и Фридриха Казимира (годы правления 1682–1698) из династии Кеттлеров, чьи заокеанские владения во второй половине XVII в. находились на острове Тобаго в Карибском море и в устье реки Гамбия в Западной Африке. Их мнение на этот счет сводится к тому, что «кроме Польши от моря до моря, существовала также и такая, которая распространялась за океан», поскольку «все территории, которыми обогащались вассалы Речи Посполитой, также оказывались и под ее властью» [39; подробнее см.: 10, с. 46–47]. В последнее время к «борьбе» за курляндское «колониальное наследство» присоединилась также белорусская популярная пресса. В январе 2014 г. в газете «Аргументы и факты в Беларуси» была опубликована статья Александра Погорелого с говорящим названием «С приветом из Африки. В XVII веке у ВКЛ были заморские колонии» [15]. Автор с самого начала заявляет, что «пусть и недолго, но у нас тоже были свои колонии в Южной Америке и Африке», объясняя этот «необычный косвенный [для белорусов. – *О. Е.*] опыт колониальной экспансии» вассальным статусом Курляндского герцогства в отношении историографических предков современной Беларуси – Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. При этом он признает, что «у нас нет сведений, были ли среди колонистов литвины». Кроме того, в марте 2017 г. в рубрике «Кругозор» интернет-портала TUT.BY появилась статья Павла Добровольского под заголовком «В Африке и Америке. Какими заморскими колониями владела Речь Посполитая и кто их отобрал» [8]. Утверждая, что «Якоб фон Кетлер – герцог *входившей в Речь Посполитую Курляндии* [выделено нами. – *О. Е.*] – [...] владел двумя заморскими колониями в Западной Африке и Южной Америке и был в шаге от экспедиции в Австралию», автор намекает на причастность польско-литовского государства к заокеанским предприятиям своего предприимчивого вассала. Разумеется, эти очерки носят развлекательный характер и не претендуют на историческую достоверность. Тем не менее, сам факт обращения к заокеанской экспансии Курляндского герцогства как «славной странице» белорусской истории свидетельствует о возможности формирования колониального мифа в отечественном публично-историческом пространстве.

В этой связи одной из задач нашего диссертационного исследования стало выяснение того, существуют ли документальные подтверждения участия выходцев из белорусских земель в экспедициях либо же в заселении курляндских колоний на острове Тобаго и в устье реки Гамбия. Их обнаружение дало бы более надежные основания для проведения

связей между нашими историографическими предками и заокеанскими владениями курляндских герцогов, нежели состояние вассальной зависимости последних от правителей Речи Посполитой. Однако соответствующих упоминаний в источниках нам найти не удалось. В Курляндии, которая находилась вдали от морских коммуникаций, соединявших европейские метрополии с их колониями, и которая, по замечанию прибалтийско-немецкого историка Хьюго Зевига, «сама являлась объектом колонизации» [41, с. 2], отсутствовали необходимые для осуществления колониальных экспедиций специалисты. Герцогам Якобу и Фридриху Казимиру приходилось нанимать опытных матросов, солдат, колонистов, а также искать финансовую поддержку у купцов за рубежом, особенно в Нидерландах и Англии, а также в странах и городах балтийского побережья: Дании, Норвегии, Швеции, Бремене, Гамбурге, Данциге и Кёнигсберге. В силу этого среди участников заокеанских плаваний в курляндские колонии упоминаются английские, датские, немецкие, нидерландские и шведские имена и фамилии [см., например: 36, лл. 2, 21об–30, 32об, 44–45об, 47об–49, 50–50об, 53–57, 90об–92, 93–94, 104–106, 110–111об, 117–118, 122–122об, 125об–130, 136об, 175–175об; 38, с. 455]. Ни о каких латышах (как ни хотелось бы того некоторым латышским историкам [см., например: 23, с. 7, 114; 24, с. 4; 25, с. 89–90; 26, с. 77; 27, с. 17; 34, с. 37]), а тем более о славянах, речи не идет.

Северная колония курляндских герцогов

В то же время подавляющее большинство публицистов и даже многие историки, занимавшиеся рассматриваемой проблематикой, упускали из виду, что помимо заокеанских колоний курляндские герцоги имели не столь отдаленные владения, а именно гавань на острове Флеккерёй (норв. *Flekkerøy*) в проливе Скагеррак и железные рудники в Эйдсволле (норв. *Eidsvoll*; в источниках и литературе упоминается также как *Ertzwold*, *Etzwold*, *Edswold*, *Eldeßwordt* и *Eldesvorth* [32, № 21, с. 164; 38, с. 607–608, 1003]) в юго-восточной части Норвегии.

Концессию на использование гавани на острове Флеккерёй герцог Якоб приобрел у датского короля Фредерика III (годы правления 1648–1670) в 1651 г. (Норвегия в те времена принадлежала королям Дании), на заре своей заокеанской экспансии, по двум причинам [30, с. 154; 38, с. 28, 120–121]:

1. Ему нужен был безопасный опорный пункт на пути в Атлантический океан, где его корабли могли бы останавливаться для отдыха, набора экипажей и пополнения припасов, а также находить укрытие от непогоды и военных столкновений; Флеккерёй подходил для этих целей:

в 1635 г. датский король Кристиан IV (годы правления 1588–1648), отец упомянутого Фредерика III, соорудил на этом острове форт, названный в его честь Кристиансё (норв. *Christiansø festning*).

2. Арендованная у Дании гавань должна была стать отправной точкой для рыболовецких и китобойных экспедиций курляндского герцога.

Прибалтийско-немецкий историк Отто Хайнц Маттисен в своей работе, посвященной истории курляндского колониализма, подчеркивал, что Флеккерёй не соответствовал потребностям герцога в долгосрочной перспективе. Этот бесплодный, малонаселенный и каменистый остров, чья гавань была мала, но хорошо защищена от штормов, находился слишком далеко от Копенгагена, где герцог Якоб вербовал моряков и солдат для своих колониальных экспедиций. Кроме того, он был довольно сильно удален от Атлантического океана, в связи с чем герцог Якоб хотел позднее перенести свою океанскую станцию на Шетландские острова на северо-востоке Шотландии или в Берген на западном побережье Норвегии [38, с. 121, 627, 904].

Несмотря на эти недостатки, на всем протяжении активного этапа колониальной политики Курляндского герцогства в 1651–1660 гг., и даже позднее, корабли герцога, направлявшиеся в Гамбию и на Тобаго, регулярно останавливались в гавани на Флеккерёй [38, с. 121, 128, 237, 242–243, 245–246, 311, 462, 573]. В 1655 г. оттуда начались интенсивные плавания на ловлю сельди и китобойные промыслы [38, с. 382]. Однако постепенно название этого острова исчезает из курляндских источников. Права герцогского дома на него в открытой форме выражены лишь в завещании Якоба Кеттлера, подписанном 31 мая 1677 г. (здесь и далее точные даты без скобок указаны по григорианскому календарю – в том виде, в каком они приведены в первоисточнике). Предприимчивый герцог передавал этот остров, к тому моменту уже фактически не использовавшийся им, вместе с другими привилегиями от датского короля (кроме концессии на остров Флеккерёй это были права на торговлю с Исландией и железные рудники в Эйдсволле) в наследство своему сыну Александру (1658–1686) [29, с. 413; 38, с. 786]. После этого Флеккерёй был совершенно забыт и покинут курляндцами.

Более эффективно герцог Якоб распорядился другим своим приобретением в Норвегии. Железными рудниками в Эйдсволле курляндский правитель обзавелся в ходе восстановления хозяйственного благополучия своего герцогства, разоренного в годы шведской оккупации 1658–1660 гг. Будучи убежденным сторонником экономической идеологии меркантилизма, он стремился максимально сократить импорт ре-

сурсов для своей промышленности из-за рубежа. Железо, необходимое для функционирования мануфактур, строительства флота, производства оружия и другой продукции, а также для обмена на африканские товары (в те времена брусковое железо использовалось в качестве «валюты» для обмена с африканцами [38, с. 28]), герцог Якоб пытался сначала добывать в Курляндии. Однако местная болотная руда оказалась непригодной для промышленных целей, в связи с чем ему приходилось жертвовать своими меркантилистскими амбициями и закупать дорогостоящее железо в Швеции [30, с. 138; 32, № 21, с. 164; 38, с. 28].

Решение этой проблемы было найдено 12 (22) июля 1662 г. (здесь и далее в точных датах со скобками сначала приводится дата по юлианскому календарю, как она указана в первоисточнике, а в скобках – соответствующая ей дата по григорианскому календарю), когда копенгагенский фактор курляндского правителя Фридрих Пёппинг (*Friedrich Pöpping*) получил от датского короля Фредерика III согласие на предоставление герцогу Якобу концессии на железные рудники в Норвегии [38, с. 607–608]. В этом документе отдельно оговаривалось также право герцога на строительство кораблей на острове Флеккерёй или в герцогстве Гольштейн, принадлежавших королю Дании, и то обстоятельство, что рудники в Эйдсволле передавались в пользование курляндскому правителю в качестве компенсации за потопленный датчанами в 1659 г. фрегат «*Die Grosse Chur*», арендованный ими у герцога Якоба. Кроме того, в 1666 г. герцог Якоб получил от датского короля имение с крестьянами неподалеку от Эйдсволла в качестве залога за этот корабль, соответствовавший сумме в 4900 рейхсталеров [29, с. 410; 35, с. 276].

25 мая (4 июня) 1663 г. Фредерик III подготовил приказ для генерал-губернатора Норвегии Ивера Краббе (*Iver Krabbe*) и директора горной промышленности (*Oberberghauptmann*) Брострупа Гедде (*Brostrup Gedde*) о передаче посланнику курляндского правителя в Копенгагене Нильсу Андерсену (*Niels Andersen*) железных рудников, двух молотковых мельниц и трех плавильных печей, количество которых, судя по всему, впоследствии увеличилось до четырех [29, с. 407, 417], в деревнях Эйдсволл (совр. поселок Эйдсволл Варьк (норв. *Eidsvoll Verk*), который был основан на реке Андельва еще в 1624 г. королем Кристианом IV с целью добычи и обработки железной руды), Вик (норв. *Viik*) и Юлсруд (норв. *Julsrud*), находившихся на территории современной коммуны Эйдсволл (норв. *Eidsvoll*; в дальнейшем для упрощения повествования мы будем объединять все предприятия курляндских герцогов по добыче и обработке железа в Норвегии под названием Эйдсволл) в округе Акерсхус

в Восточной Норвегии немногим севернее Осло между озерами Мьёса (норв. *Mjøsa*) и Хурдал (норв. *Hurdalssjøen*). В тот же день Фредерик III дал распоряжение коменданту Гансу Юлю (*Hans Juel*) предоставить курляндскому посланнику удобное и безопасное место для сооружения склада на острове Флеккерёй: герцог Якоб заранее позаботился о создании инфраструктуры, необходимой для экспорта продукции его железных рудников в Норвегии [29, с. 404–405; 32, № 21, с. 164–165]. Спустя год, 13 (23) мая 1664 г., датский король выдал герцогу Якобу привилегию на поиск серебра, меди, железа, свинца и других металлов в Норвегии, а также на сооружение необходимых для их добычи и обработки строений и устройств [29, с. 405; 30, с. 138; 45, № 194, с. 234–235]. 4 (14) июля 1664 г. железные рудники и предприятия в Эйдсволле, Вике и Юлсруде были, наконец, непосредственно вручены уполномоченному герцога Нильсу Андерсену [29, с. 405; 32, № 21, с. 165].

Условия, на которых герцог Якоб получил концессию на рудники в Норвегии, специально оговариваются в привилегии Фредерика III от 6 (16) мая 1669 г. [подробный анализ этого документа см.: 25, с. 134–136; 29, с. 405–409]. Курляндскому правителю предоставлялось право добывать железную, медную и свинцовую руду в пределах четырех миль от старых шахт в Эйдсволле бесплатно в течение нескольких лет, по прошествии которых он должен был выплачивать в Христианию (совр. Осло) ежегодную десятину за пользование рудниками, молотковыми мельницами и плавильными печами в размере одной орты (1/4 талера) за каждый берковец (170 или 194,5 кг) произведенного там чугуна или ковкого железа [29, с. 408, 412], а также соответствующую таможенную пошлину за вывоз продукции этих рудников. Для герцога Якоба создавались все условия для налаживания работы шахт и сопутствующих предприятий: он мог использовать древесину, являвшуюся в то время крайне ценным ресурсом, жизненно необходимым для добычи и обработки металлов, из королевских и частных лесов, окружавших Эйдсволл; ему позволялось пользоваться простаивавшими кузнями, лесопилками, мельницами и плавильными печами, находившимися в отведенной ему области, а также реками и озерами, строить плотины и водяные колеса; он мог беспошлинно ввозить и продавать на рудниках товары, необходимые для удовлетворения потребностей работников шахт и функционирования предприятий. Взамен герцог Якоб должен был обеспечить эффективную эксплуатацию рудников в течение 9 месяцев в году, что, по замечанию латышского историка Эдгарса Дунсдорфса, было совершенно невозможно: даже куда более совершенные в техническом плане

шахты по добыче железа в Швеции в те времена работали в среднем от 34 до 86 суток в год. Очевидно, датский король, устанавливая столь преувеличенный срок, заботился о повышении своих доходов от некогда простаивавших рудников в Эйдсволле [29, с. 405, 407, 409].

Герцог Якоб приступил к их активной эксплуатации не раньше 1665 г. [29, с. 411]. Время, прошедшее с момента приобретения им рудников, ушло на подготовительные работы: строительство необходимых зданий, приведение в порядок плавильных печей, молотковых мельниц и т. п. Предприятия курляндского герцога по добыче и обработке железа в Эйдсволле работали лишь до 1681 г. После смерти предприимчивого Якоба Кеттлера его сын и преемник Фридрих Казимир в 1688 г. окончательно возвратил их датской короне в качестве возмещения долгов [25, с. 171–173; 29, с. 413–416]. Но уже при герцоге Якобе эти рудники работали с перебоями: в общей сложности они эксплуатировались лишь около 14 лет из 25, в течение которых действовала концессия. Десятина королю Дании выплачивалась неаккуратно, в связи с чем в 1671 г. датской стороной было решено принять ее в натуральной форме – установленным количеством продукции из чугуна (гранатами, пулями, пушками, ядрами и т. п.). Полное отсутствие прибыли на рудниках обнаружилось и в 1673 г., что датский государственный служащий Кристиан Гъедде (*Christian Gjedde*) объяснял тем, что управление шахтами велось из рук вон плохо, а их администрация тратила на свои личные нужды денег больше, чем на потребности предприятий [29, с. 412, 417; 32, № 22, с. 170]. К 1687 г. задолженность концессионера составила 4 тысячи рейхсталеров [29, с. 415].

Эффективность курляндских предприятий в Эйдсволле была невысокой. По требованию руководства датской горной промышленности, желавшей рассчитаться с герцогским домом по их задолженности, в самом начале 1683 г. был подготовлен отчет о производительности рудников за последние три года жизни герцога Якоба, который показал, что в 1679 г. там было добыто 50 берковцев чугуна и 150 берковцев ковкого железа, в 1680 г. – 40 берковцев чугуна и 100 берковцев ковкого железа, в 1681 г. – 110 берковцев чугуна и 150 берковцев ковкого железа. В общей сложности – 600 берковцев, т. е. немногим более 100 тонн железа за три года, притом, что в следующем столетии одна лишь плавильная печь в шведской провинции Верmland производила 101 тонну железа в год [29, с. 412, 417; 32, № 21, с. 164, № 22, с. 171].

В 1667–1681 гг. железо из эйдсволлских рудников регулярно, но не в полном объеме, доставлялось в Курляндию. Согласно спискам кораблей,

прошедших через Зундский пролив (совр. Эресунн) в восточном направлении, в 1667 г. в Курляндию было ввезено 218,7 берковцев железа и железных изделий, произведенных в первые два года функционирования шахт герцога Якоба в Норвегии, в 1668 г. – 47 берковцев, в 1670 г. – 80 берковцев, в 1673 г. – 2 берковца, в 1674 г. – 120 берковцев, в 1675 г. – 6 берковцев, в 1678 г. – 71 берковец, в 1680 г. – 35 берковцев и в 1681 г. – 60 берковцев. В то же время морское сообщение между Курляндией и Норвегией после приобретения герцогом Якобом рудников в Эйдсволле возросло с 9 кораблей до 22. Однако, как можно заметить, за рассмотренный период 1679–1681 гг. в Курляндское герцогство было ввезено лишь около четверти произведенной за эти годы железной продукции. Таким образом, рудники не удовлетворяли потребностей герцога Якоба в железе [29, с. 411–412, 417; см. также таблицы о проходе кораблей через Зундский пролив: 30, с. 138, 157, прил. III и V].

В контексте настоящего очерка больший интерес, нежели правовая и экономическая характеристика курляндских владений в Норвегии, представляет выяснение этнического состава их населения. В соответствии с упоминавшейся выше привилегией 1669 г., норвежские работники, занятые на рудниках герцога Якоба, освобождались от различных повинностей в пользу датской короны, за исключением налогов и военной повинности. В свою очередь, подданные курляндского правителя, проживавшие в Эйдсволле, подчинялись юрисдикции королевского управляющего горной промышленности, но через посредничество герцогского уполномоченного. Герцог Якоб обязан был оплачивать труд и проживание всех подданных и крестьян датского короля, которые жили и работали на его рудниках в Норвегии, за исключением должностных лиц правителя Дании – те не имели права обеспечивать себя за счет доходов с герцогских шахт. Однако местные жители крайне неохотно трудились на копях и литейном производстве, к тому же их услуги обходились дороже, чем рабочая сила курляндских крестьян и ремесленников [29, с. 408; 32, № 21, с. 165].

В этой связи герцог Якоб в 1664 г. заключил договоры на работу в Норвегии с мастерами из Митава (совр. Елгава, бывшая столица Курляндского герцогства): кузнецом Питто Драком (*Pitto Drack*), плотником Генрихом Персо (*Hinrich Perso*) и отцом последнего Яном (*Jaan Perso*). Они должны были построить в Эйдсволле здания, необходимые для добычи и обработки железа, а также привести в действие плавильные печи и молотковые мельницы, за что им причиталась зарплата в размере 100 рейхсталеров в год [29, с. 410]. Помимо специалистов, которые были

преимущественно курляндскими немцами, на герцогских рудниках в Норвегии работали подсобные рабочие из числа рядовых латышских крестьян, которых, по всей вероятности, мог туда доставить первый управляющий владениями Якоба в Эйдсволле Франц Вильгельм Фёлькерзам (*Franz Wilhelm Fölkersam*), представитель знатного курляндского рода. Кроме того, 6 октября 1665 г. на один год «на службу для курляндских людей на герцогских железных рудниках в Норвегии» был назначен пастор Иоганн Раутенберг (*Johannes Rautenberg*), ранее служивший в часовне Митавского замка, опять же за жалование в размере 100 рейхсталеров в год [29, с. 410, 412; 32, № 21, с. 166; 42, с. 59, пункт b]. По сообщению занимавшего в конце XVIII в. пост пастора в Эйдсволлском приходе профессора К. М. Легангера (*K. M. Leganger*), опубликованном в 1792–1793 гг., на курляндские рудники было доставлено более десяти латышских семей, о существовании которых герцоги просто-напросто забыли после возвращения рудников Дании, в связи с чем те остались в Норвегии. Во времена службы К. М. Легангера в Эйдсволле проживало 48 семей потомков этих курляндских шахтеров, включавшие в общей сложности 335 человек. К тому времени из рудокопов они большей частью превратились в земледельцев. По замечанию пастора, вплоть до конца XVIII столетия они сохраняли самобытные черты своих предков, отличавшие их от местных норвежских крестьян [29, с. 410; 32, № 22, с. 171, № 23, с. 178–179].

В этой связи уместной представляется постановка вопроса о том, можно ли считать владения курляндских герцогов в Норвегии колонией? С нашей точки зрения, с учетом специфики европейского колониализма XVII столетия, безусловно, можно. В пользу этого мнения говорят следующие аргументы:

1. В эпоху меркантилизма с ее «культом» торговли и обрабатывающей промышленности колонии практически повсеместно представляли собой изолированные торговые поселения (фактории) на океанском или морском побережье либо небольшие плантации. Следовавшая за меркантилизмом экономическая теория – физиократия – изменила лицо колониализма, но это произошло лишь в XVIII столетии. По замечанию упоминавшегося выше прибалтийско-немецкого историка Отто Хайнца Маттисена, «вслед за эпохой меркантилистских точечных колоний следовал период господства учения физиократов с его “материковыми колониями” („*Flächenkolonien*“), заселенными как можно большим количеством крестьян и фермеров. Термин “территории” (*Territorien*), а не “форты” (*Forteressen*), стал тогда чаще всего использоваться колонизаторами

в качестве ключевого слова» [38, с. 16]. В случае с владениями курляндских герцогов в Эйдсволле мы имеем как раз такую «точечную колонию», своего рода «плантацию» по добыче и обработке железа.

2. Отсутствие форта, являвшегося характерным признаком заокеанских колоний XVII в., в курляндских поселениях в Норвегии обусловлено очевидной причиной – там не было враждебно настроенных аборигенов и угрозы нападения европейских конкурентов с моря. Аналогичным образом было устроено, например, поселение голландских китобоев XVII в. под названием Смееренбург (нидерл. *Smeerenburg*) на острове Амстердам у северо-западного побережья Западного Шпицбергена, позиционирующееся в литературе как колония [см., например: 40, с. 450; 43, с. 360; 44, с. 1313].

3. Относительно владений курляндских герцогов в Норвегии наблюдается главный признак колонии как явления – наличие там поселений, управляющихся, а также частично или полностью заселенных иностранными колонистами. Управляли рудниками в Эйдсволле выходцы из Курляндии: первым администратором там был упоминавшийся выше Франц Вильгельм Фёлькерзам, последним – некий Даниэль Вольпманн (*Daniel Wolpmann*), назначенный на эту должность в 1687 г. [29, с. 412; 32, № 21, с. 165; 38, с. 904]. За духовно-нравственным состоянием колонистов следили курляндские пасторы, одним из которых был упоминавшийся выше Иоганн Раутенберг. На рудниках и сопутствующих предприятиях работали ремесленники из числа курляндских немцев и шахтеры – бывшие латышские крестьяне. О масштабах курляндских поселений в Эйдсволле интересную информацию предоставляет один из параграфов привилегии 1669 г., согласно которому содержание бедняков и сирот, а также удовлетворение потребностей пасторов и учителей там оплачивалось путем изъятия с каждого берковца добытого железа по четыре датских шиллинга [29, с. 408]. Следовательно, владения герцога Якоба в Норвегии типологически представляли собой полноценную колонию, заселенную семьями курляндских колонистов, оснащенную церковью, школой и даже приютом для нищих и сирот.

4. С юридической точки зрения, в данном случае также можно говорить о колонии. Передавать колониальные владения по концессии было довольно распространенной практикой в эпоху раннего Нового времени. Даже потомки герцога Якоба в начале XVIII в. хотели как можно выгоднее для себя «избавиться» от принадлежавшей роду Кеттлеров, но не приносившей ему к тому времени никаких доходов, колонии на острове Тобаго, передав ее англичанам по праву узуфрукта [31, лл. 185, 192об].

По этому поводу вдова герцога Фридриха Казимира, Елизавета София Бранденбургская (1674–1748), писала своему брату, прусскому королю Фридриху I (годы правления 1688–1713), в 1704 г.: «[...] лучше извлечь из этого острова хоть какую-то пользу, чем совсем ничего [...]» (*freÿlich beßer etwas als gar nichts von ermelter Insul zu ziehen*) [31, лл. 187–187об]. Аналогичными соображениями, по всей видимости, руководствовался датский король Фредерик III, передавая простаивавшие рудники в Эйдсволле курляндскому герцогу. Такая форма правоотношений, как узуфрукт, предполагает «право пользоваться чужими вещами и извлекать из них плоды с сохранением в целостности субстанции вещей» [цит. по: 4, с. 188]. Все эти условия распространялись также и на герцога Якоба относительно предприятий в Эйдсволле: их собственником оставался датский король, курляндский правитель мог пользоваться ими с целью извлечения выгоды, а также, согласно последнему пункту привилегии 1669 г., покидая рудники, он должен был вернуть их в том же состоянии, в котором он их получил, но при этом герцог был вправе требовать компенсаций за внесенные им улучшения, размер которых должен был определяться специальной оценочной комиссией [29, с. 409]. Таким образом, перед нами колония, полученная Якобом Кеттлером от короля Дании по праву узуфрукта.

5. В конце концов, применительно к владениям курляндских герцогов в Эйдсволле сложилась своего рода «историографическая традиция». По словам Отто Хайнца Маттисена, эти рудники «вместе с деревнями, крестьянами и курляндскими работниками, находившимися под опекой курляндских губернаторов и пасторов, представляли собой курляндскую колонию» [38, с. 610]. Прибалтийско-немецкий историк называет ее не иначе, как «курляндская горнодобывающая колония в Норвегии» (*kurländische Bergwerkskolonie in Norwegen*) [38, с. 28, 37, 791]. О «курляндской колонии в Норвегии» писали и латышские авторы [29, с. 410; 32, № 21, с. 164–165].

Таким образом, можно утверждать, что кроме острова Тобаго и устья реки Гамбия, герцог Якоб владел колонией также в Норвегии, на территории современной коммуны Эйдсволл.

«Rusacy» в Норвегии?

В ходе проведения исследовательской работы в Латвийском государственном историческом архиве в Риге нам удалось ознакомиться с документом из фонда 554 «Курляндский герцогский архив», позволяющим выдвинуть гипотезу об участии выходцев из белорусских земель в работе на горнодобывающих предприятиях герцога Якоба в Эйдсволле

во второй половине XVII в. Это стало возможным благодаря неоценимой помощи доктора Марите Яковлевой (*Mārīte Jakovļeva*), ведущего научного сотрудника Института истории Латвии Латвийского университета и Латвийского государственного исторического архива в Риге, блестящего знатока истории Курляндского герцогства и одного из немногих специалистов в этой области, которая любезно предоставила в наше распоряжение данный документ, а также дала ценные указания относительно локализации упоминающегося в нем населенного пункта, за что мы выражаем ей нашу глубокую признательность. Краткий доклад, посвященный данной находке, мы сделали до выхода настоящей статьи в рамках IV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы источниковедения», прошедшей в Витебске 20–21 апреля 2017 г. [12].

Рассматриваемый документ [37, л. 69] написан на польском языке и представляет собой трудовой контракт, заключенный группой «русак» (вариант использования этнонима «русин», распространенный в XVII в., во множественном числе также «русцы» [21, с. 258, 260]; в данном источнике – *Rusacy*) 3 февраля 1666 г. в Митаве с герцогом Якобом относительно их участия в работах по копанию кореньев с целью получения смолы в герцогском имении Ангоры. Смола во времена парусного флота была буквально стратегическим ресурсом, поскольку ей покрывались корпуса, палубы, такелаж и рангоуты кораблей с тем, чтобы сделать их водонепроницаемыми. Согласно замечанию доктора Марите Яковлевой, упомянутый в документе населенный пункт можно локализовать как современное село Энгуре (латыш. *Engure*) на северо-западе Латвии в регионе Курземе. В 1677 г. там началось строительство последней железодельной мануфактуры герцога Якоба [см.: 33]. На следующий день после заключения этого договора, т. е. 4 февраля 1666 г., он был дополнен именами новоприбывших «русак».

Однозначно славянские имена этих людей (всего 21 человек) позволяют выдвинуть предположение о том, что они (или хотя бы часть из них) происходили из белорусских земель Великого княжества Литовского: Александр Хведорович (*Alexander Chwiedorowicz*), Пахом Сташко (*Pachom Stasko*), Микула (*Mikuła*), Тышко (*Tyszko*), Хведер Крубер (*Chwieder Cruber*), Атрошка (*Atroszka*), Левон Харенкарович (*Lewon Harencarowicz*), Иван (*Iwan*), Роман (*Roman*), Сташко Лысый (*Stasko Łusy*), Грышко Хмель (*Hryszko Chmiel*), Климато Дудар (*Klimato Dudar*), Михалко (*Michalko*), Мацей (*Maciusz*), Иоахим Скрыпка (*Joachim Skrzypka*), а также прибывшие в Митаву 4 февраля 1666 г. Ян Коронев-

ский (*Jan Koroniewski*), Вильгельм (*Wilhelm*), Яшко, сын Вильгельма (*Jasko Syn Wilhelma*), Алексей Драгон (*Olexiey Dragon*) и Ивашко Стодольник (*Iwaszko Stodolnik*). Некий Каспар Дрегневич (*Kaspar Dregnie-wicz*) подписался в качестве «поручителя» за всю эту группу «русаков», как он сам их назвал (*Rusacy*).

В контракте оговаривается оплата труда названных людей по добыче смолы в имении Ангоры: за одну сажень (около 2 метров) кореньев им полагалась определенная мера ржи или других зерновых. Однако для нас куда больший интерес представляет то место в этом документе, где излагаются условия возможного участия «русаков» на работах в Норвегии в пользу курляндского правителя, куда с началом мореходного сезона могли отправиться те из них, кто того пожелает. Хочется обратить внимание, что этот контракт был заключен как раз тогда, когда заработали горнодобывающие предприятия герцога Якоба в Эйдсволле. Очевидно, в начале 1666 г. курляндскому правителю необходимо было увеличить численность шахтеров на своих рудниках. Кроме того, в 1665–1667 гг. шла англо-голландская война, значительно ослабившая главных конкурентов герцога Якоба на колониальном поприще. Герцог попытался активизировать свою морскую деятельность, и как раз в 1666 г. им было выдано исключительно много морских лицензий (разрешений на плавание), особенно в северном направлении – для охоты на китов и ловли сельди, а также в Исландию и Норвегию [38, с. 606–607]. Вероятно, отправка новой партии колонистов в Эйдсволл в лице названных «русаков» планировалась герцогом Якобом как раз в рамках обозначенной активизации северного судоходства в 1666 г. За работу на рудниках или сопутствующих предприятиях в течение трех месяцев каждому из «добровольцев» причиталось жалование в размере десяти «денег» – надо полагать, рейхсталеров, – а также продукты питания в виде трех пур ржи, четырех пур ячменя, полпуры гороха, либо же четверти ящика солонины и двух пунделей соли.

Можно заметить, что в имении Ангоры эти «русаки» были готовы трудиться буквально за еду. По поводу предполагаемой работы в Норвегии они договорились о более высокой оплате, включая деньги: за год один работник мог получить 40 рейхсталеров, что в сравнении с годовой зарплатой упоминавшихся выше курляндских специалистов-ремесленников и даже пастора в размере 100 рейхсталеров было немало. Примечательно, что в случае с работой в Ангорах «русаки» договорились, выражаясь современным языком, о сдельной оплате труда, а в случае с работой в Норвегии – о повременной оплате. Данное обстоятельство

обусловлено, скорее всего, характером работы: при добыче кореньев, вполне осязаемого и поддающегося подсчету ресурса, как работник, так и работодатель заинтересованы в максимизации количественных показателей труда; работа же на рудниках носила скорее «конвейерный» характер. Разница в доходах между обозначенными категориями колонистов в Эйдсволле свидетельствует о том, что «русаки» могли отправиться туда лишь в качестве чернорабочих, наиболее вероятно, простых шахтеров. Данное обстоятельство, а также приведенные выше имена говорят о неблагородном происхождении их носителей, которые были, скорее всего, крестьянами, готовыми к выполнению грязной и тяжелой физической работы за низкую оплату. Представляется маловероятным, что они могли происходить из числа мещан или тем более шляхты, пусть даже и мелкопоместной: первые, очевидно, владели бы какой-нибудь ремесленной специальностью, что отразилось бы в договоре на характере их труда и его оплате; вторые в основной своей массе вообще вряд ли бы согласились на такую работу в силу чувства «шляхетской годности», кроме того, они наверняка имели бы фамилии.

Относительно последнего аргумента у нас возникли некоторые сомнения по поводу упомянутого Каспара Дрегневича. Дело в том, что рассматриваемый документ написан двумя очевидно различающимися почерками. Основной текст договора мог быть подготовлен писарем при курляндском дворе, владевшим польским языком, понятным как минимум названному «поручителю». Последний, в свою очередь, оставил свою подпись, написанную гораздо менее аккуратно, нежели основной текст договора. При этом подписи остальных 20 человек, упомянутых в этом документе, отсутствуют – их имена внесены писарем. Наиболее вероятно, что Каспар Дрегневич был единственным из этих людей, кто умел писать. В этой связи можно допустить, что он происходил из рядов мещан либо околичной шляхты, и, как самый «годный» из них, взял «шефство» над всей группой «русаков». В пользу этого предположения говорит также тот факт, что он владел польским языком, которым в те времена пользовались представители высших сословий на территории Великого княжества Литовского, откуда, по всей видимости, и происходили эти «русаки», о чем будет сказано ниже.

Что же заставило этих людей в 1666 г. появиться в столице Курляндского герцогства и даже согласиться «поехать» в Норвегию с началом мореходного сезона, т. е. отправиться в столь дальнее путешествие, которое показалось бы белорусским крестьянам немыслимым даже двести лет спустя, во второй половине XIX столетия, о чем говорилось в начале

данного очерка? Известно, что герцог Якоб с радостью принимал в своем государстве беженцев из соседних стран, приносивших ему пользу своим трудом в качестве ремесленников и торговцев. Например, 12 февраля 1670 г. поселению беженцев из Полотчины под названием Слобода (*Schlabodda*), основанного ими на левом берегу Западной Двины, по всей вероятности, с началом опустошительной русско-польской войны в 1654–1655 гг., Якоб Кеттлер предоставил магдебургское право. Новый город получил название в честь герцога – Якобштадт (совр. Екабпилс). Впоследствии там появились старообрядцы и литовские евреи [3, с. 44–45; 14, с. 265–266; 45, № 205, с. 242]. Также в XVII в. там был основан православный Свято-Духовский Якобштадтский монастырь, в связи с чем город Якобштадт стал настоящим центром православия в Курляндии [11, с. 246–247]. Возможно, названные «русаки» искали в сохранявшем нейтралитет герцогстве убежища от неурядиц польско-русской 1654–1667 гг. или польско-шведской 1655–1660 гг. войн.

В этой связи можно выдвинуть предположение, что они происходили с территории современной Витебской области Республики Беларусь. В пользу этой гипотезы говорят следующие аргументы:

1. *Военный* – Витебщина в годы упомянутых военных конфликтов оказалась в центре событий, что могло побудить «русаков» покинуть свою родину в поисках более безопасного места.

2. *Логистический* – упомянутые «русаки» с легкостью могли добраться оттуда в Курляндию, сплавившись по Западной Двине.

3. *Этнонимический* – как известно, «русинами», или «русаками», как в нашем случае, в XVII в. называли православное восточнославянское население Великого княжества Литовского, включая жителей Витебщины.

4. *Ономастический* – писарь вносил в договор имена, скорее всего, на слух, т. е. в той форме, в которой они использовались самими их носителями. Произношение звука [хв] на месте /ф/, в частности, в именах типа Федор/Хведор, до сих пор широко распространено в юго-западной диалектной зоне русского языка [13, с. 98, 100; 18, с. 260; см. также карты: 7, карты 54–55]. Наблюдаемые там языковые явления отражают процессы, происходившие некогда с восточнославянскими говорами в землях Великого княжества Литовского, т. е. западные говоры южного наречия русского языка в свое время возникли совместно с примыкающими к ним восточнобелорусскими говорами, охватывающими как раз Витебскую область Республики Беларусь [6, с. 28; 18, с. 250, 257]. Данное обстоятельство определяло языковую ситуацию в регионе вплоть до недавнего времени. По замечанию авторов «Диалектологического атласа русского

языка» 1986 г., «языковые черты, свойственные в основном русскому языку, распространены в своей западной части на территории БССР, также, как и типичные для белорусского языка черты распространены в своей восточной части на территории РСФСР. Частично перекрывая друг друга, эти черты образуют достаточно широкую зону переходных говоров, квалификация которых, как русских или белорусских, во многих случаях затруднена» [6, с. 6]. Кроме того, в географическом плане [см. карты: 9, карты VII–VIII; 13, с. 97, 99, 164–167] обозначенные диалектные зоны частично соответствуют территории бывшей Витебской губернии Российской империи, в которой даже во второй половине XIX в. проживало подавляющее большинство белорусов – примерно 62% населения [20, с. 69, карта]. Согласно наблюдениям этнографа Александра Семеновича Семеновского (1821–1893), «белорусское наречие, употребляемое жителями Витебской губернии славянского племени православного и римско-католического исповеданий составляет нечто среднее между великороссийским, украинским и польским. Оно несколько разнится от наречия, которым говорят крестьяне Виленской и Минской губернии, но тождественно с говором белорусов-могилевцев, смолян и псковичей [выделено нами. – О. Е.]. В речи последних, как и витеблян, более русских слов, тогда как в речи виленских и минских белорусов больше польских» [20, с. 6]. Таким образом, даже в XIX в. люди, населявшие ныне разделяемые исключительно по политическим, а не лингвистическим, критериям [6, с. 6] юго-западную диалектную зону русского языка и северо-восточную диалектную зону белорусского языка, включающую территорию Витебской области Республики Беларусь, говорили на одном диалекте русского/белорусского языка, для которого был характерен обозначенный выше признак замены звука /ф/ на [хв]. Эту особенность с полной уверенностью можно распространять и на XVII столетие, учитывая, что «современная диалектологическая карта русского языка [в нашем случае и северо-восточного диалекта белорусского языка. – О. Е.] в своих определяющих чертах сложилась, видимо к XVII в. или XVIII в.» [6, с. 28].

5. *Метрологический* – упоминающаяся в рассматриваемом документе «пура» в качестве единицы измерения зерновых, по замечанию А. М. Семеновского, даже во второй половине XIX в. была «самой распространенной мерой в пределах Витебской губернии» [19, с. 5; см. также: 2; 16, с. 905]. Ее объем различался в зависимости от местности и составлял от 21,75 до 24 гарнцов [19, с. 6]. Употреблявшийся в Великом княжестве Литовском для розничной торговли малый (шинковый) гарнец, наименьший из всех разновидностей, равнялся приблизительно 2,8 литрам [1,

с. 514], следовательно, одна пура составляла по нынешним меркам как минимум около 60,9–67,2 литров. Также эта мера сыпучих тел была широко распространена в Восточной Прибалтике (под немецким названием *Lof, Loof* [16, с. 905; 17]). В Курляндии, в частности, в Либаве (совр. Лиепая), одна пура равнялась примерно 68,9 литрам [28, с. 280]. Однако представляется маловероятным, чтобы курляндский вариант пур использовался в рассматриваемом контракте, как незнакомый «русакам». Упомянутый в документе «пундель» также активно употреблялся как мера веса на территории Великого княжества Литовского в XVI–XVII вв. и равнялся 25 фунтам, т. е. около 10 кг [5, с. 69]. Очевидно, использованные в рассматриваемом документе единицы измерения, распространенные на землях Великого княжества Литовского, включая Витебщину, были известны и понятны «русакам». Таким образом, каждый из «русаков», пожелавших отправиться на работы в Норвегию, должен был получить, помимо солонины, количество которой в современных единицах измерения нам не удалось определить, как минимум около 128–141 кг ржи (если допустить, что вес одного литра ржи равняется приблизительно 700 г), 146–161 кг ячменя (один литр ячменя мы условно приравняли к 600 г), 28–31 кг гороха (при допущении, что на один литр гороха приходится 920 г) и 20 кг соли на три месяца. Для сравнения упоминавшемуся пастору Иоганну Раутенбергу, находившемуся куда выше на социальной лестнице, чем «русаки», на год пребывания в Норвегии было обещано 7 пуров, или, по курляндской мере, около 338 кг ржи, 2 кюльмита (в Риге 1 кюльмит равнялся 3 пурам [см.: 28, с. 417]), или около 248 кг ячменя, 2 кюльмита, или около 380 кг гороха, 5 лисфунтов (в Курляндии один лисфунт равнялся приблизительно 8,36 кг [см.: 28, с. 280]), или 41,8 кг соли и другие продукты [42, с. 59, пункт b]. Таким образом, в перерасчете на четверть года пастору полагалось в полтора раза меньше ржи, в два раза меньше ячменя, в два раза меньше соли, однако в три раза больше гороха, чем «русакам» – горох, видимо, считался более «благородным» продуктом, нежели рожь и ячмень. Столь крупные объемы продовольствия наталкивают на мысль, что названные лица рассчитывали переехать в Эйдсволл вместе со своими семьями, что, впрочем, неудивительно – латышских крестьян герцог Якоб отправлял в свою горнодобывающую колонию в Норвегии также целыми семьями.

Рассмотренный документ порождает множество вопросов. В конце концов, неизвестно, отправились ли упомянутые «русаки» или хотя бы часть из них в Норвегию – для выяснения этого требуются более углубленные архивные изыскания. Тем не менее представляется, что

данный эпизод достоин дальнейшего изучения, ведь участие выходцев из белорусских земель в деятельности колониального поселения герцога Якоба в Норвегии может значительно расширить наши представления о территориальной и трудовой мобильности «белорусских» крестьян в эпоху раннего Нового времени.

Список литературы

1. Анішчанка, Я. Гарнец / Я. Анішчанка // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя у 2 т.: 2-е выд. / Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Энцыкл., 2007. – Т. 1. – 2007. – С. 513–514.

2. Анішчанка, Я. Пур / Я. Анішчанка // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя у 2 т.: 2-е выд. / Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Энцыкл., 2007. – Т. 2. – 2007. – С. 476.

3. Апине, И. Место белорусов Латвии в ряду других народов / И. Апине // Беларуская дыяспара як пасрэдніца ў дыялогу цывілізацый: матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый», Мінск, 21–25 мая, 4–7 снежня 2000 г. / UNESCO, Грамадскае аб'яднанне «Міжнародная асацыяцыя беларусістаў» [і інш.]; рэдкал.: Н. Давыдзенка (рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2001. – С. 43–46.

4. Громов, С. А. Узуфрукт: юридическая конструкция и вещное право / С. А. Громов // Вещные права: постановка проблемы и ее решение: сб. ст. / Исследовательский центр частного права; рук. авт. колл. и отв. ред. М. А. Рожкова. – Москва, 2011. – С. 188–231.

5. Даунене, З. Из истории лексики, обозначающей единицы измерения в торговле в старом белорусском языке (По памятникам деловой письменности Великого княжества Литовского XV – начала XVII веков) / З. Даунене // *Kalbotyra XI / Lietuvos TSR, Aukštųjų mokyklų mokslo darbai*; red. kol.: R. Mironas (ats. redaktorius) [et al.]. – Vilnius, 1965. – P. 49–75.

6. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. В трех выпусках. – Выпуск I. Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. – Москва: Наука, 1986. – 215 с.

7. Диалектологический атлас русского языка. (Центр Европейской части СССР). Карты. – Выпуск I. Фонетика / АН СССР, Ин-т русского языка; под ред. Р. И. Аванесова и С. В. Бромлей. – Москва: Главное управление геодезии и картографии при Совете министров СССР, 1986. – VI, 92 карты.

8. Добровольский, П. В Африке и Америке. Какими заморскими колониями владела Речь Посполитая и кто их отобрал [Электронный ресурс] / П. Добровольский // TUT.BY. – 18.03.2017. – Режим доступа: <https://news.tut.by/culture/535100.html>. – Дата доступа: 07.05.2017.

9. Дыялекталагічны атлас беларускай мовы / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; аўтарскі кал.: Р. І. Аванесаў [і інш.]. – Мінск: Выдавецтва АН БССР, 1963. – VIII, 338 карт.

10. Евстратъев, О. И. Колониальная политика Курляндского герцогства в исторической памяти народов Восточной Европы и Прибалтики / О. И. Евстратъев // «Социально-гуманитарные знания»: материалы XII Респ. науч. конф. молодых ученых и аспирантов, Минск, 26 ноября 2015 г. // РИВШ; под ред. И. В. Титовича [и др.]. – Минск, 2015. – С. 42–49.

11. Евстратъев, О. И. Якоб Кеттлер: «курляндский след» в истории Беларуси / О. И. Евстратъев // *Alba Ruscia: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций* / А. В. Мартынюк [и др.]; под ред. А. В. Мартынюка. – Москва: Квадрига, 2015. – С. 224–249.

12. Евстратъев, О. И. «Rusacy» в Норвегии? К проблеме критики одного «трудового контракта» XVII века / О. И. Евстратъев // «Актуальные проблемы источниковедения»: материалы IV Междунар. научно-практ. конф. к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20–21 апреля 2017 г. // ВГУ имени П. М. Машерова; под ред. А. Н. Дулова [и др.]. – Витебск, 2017. – С. 166–168.

13. Захарова К. Ф. Диалектное членение русского языка / К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. – 2-е изд. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 176 с.

14. Катлярчук, А. У ценю Польшчы і Расеі. Вялікае Княства Літоўскае і Швэцыя ў часе эўрапейскага крызісу сярэдзіны XVII ст. / А. Катлярчук. – 2-е выд. – Смаленск: Інбелкульт, 2015. – 305 с.

15. Погорелый, А. С приветом из Африки. В XVII веке у ВКЛ были заморские колонии [Электронный ресурс] / А. Погорелый // Аргументы и факты в Беларуси. – 21.01.2014. – Режим доступа: <http://www.aif.by/timefree/history/item/26645-vkl.html>. – Дата доступа: 07.05.2017.

16. Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук: в 12 т. / общ. ред. А. Ф. Рудзкий. – Санкт-Петербург: Издание А. Ф. Девриена, 1900–1912. – Т. 5: Летучие песни – Образование почв. – 1901. – 1280 с.

17. Пура [Электронный ресурс] // *Akadēmiskā terminu datubāze AkadTerm*. – Режим доступа: <http://termini.lza.lv/term.php?term=пура&lang=RU>. – Дата доступа: 07.05.2017.

18. Русская диалектология: Учебник для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; авторы: С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Г. Гецова [и др.]; под ред. Л. Л. Касаткина. – Москва: Издательский центр «Академия», 2005. – 288 с.

19. Сементовский, А. М. О мерах и весе, употребляемых в Витебской губернии / А. М. Сементовский. – Витебск: издание Витебского статистического комитета, 1874. – 19 с.

20. Сементовский, А. М. Этнографический обзор Витебской губернии / А. М. Сементовский. – Санкт-Петербург: М. Хан, 1872. – 69 с.

21. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 22 (Раскидаться–Рященко) / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; под. ред. Г. А. Богатовой [и др.]. – Москва: Наука, 1997. – 298 с.
22. Токць, С. М. Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове XIX – пачатку XX ст. / С. М. Токць. – Мінск: БДУ, 2016. – 328 с.
23. Andersons, E. Senie kurzemnieki Amerikā un Tobāgo kolonizācija / E. Andersons. – Stockholm: Daugava, 1970. – 373 lpp.
24. Andersons, E. Tur plīvoja Kurzemes karogi / E. Andersons. – Brooklyn (New York): Grāmatu draugs, 1970. – 238 lpp.
25. Berkis, A. V. The History of the Duchy of Courland (1561–1795) / A. V. Berkis. – Towson (Maryland): The Paul M. Harrod Company, 1969. – 336 p.
26. Berkis, A. V. The Reign of Duke James in Courland (1638–1682) / A. V. Berkis. – Lincoln (Nebraska): Vaidava, 1960. – 213 p.
27. Bundurs, Ž. Senās latvju kolonijas Gambija Tobago / Ž. Bundurs. – Rīga: Lauku Dzīve, 1992. – 23 lpp.
28. Döring, E. Handbuch der Münz-, Wechsel-, Mass- und Gewichtskunde oder Erklärung der Wechsel-, Geld- und Staatspapiere-Kurszettel, der Wechsel-Usancen, Masse und Gewichte aller Länder und Handelsplätze / E. Döring. – 2. Aufl. – Koblenz: J. Hölscher, 1854. – 535 S.
29. Dunsdorfs, E. Kurzemes hercoga Jēkaba saimnieciskie pasākumi Dānijā / E. Dunsdorfs // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. – 1937. – № 3. – 404.–423. lpp.
30. Eckert, W. Kurland unter dem Einfluss des Merkantilismus: Ein Beitrag zur Staats- und Wirtschaftspolitik Herzog Jakobs von Kurland (1642–1682) / W. Eckert. – Riga: G. Löffler, 1927. – XXV, 272 S.
31. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (GStA PK). – I. HA. Rep. 9 Polen. 7e1. – Acta der Insel Tabago (1664–1721).
32. Igals, F. Kursemneeku kolonijas Norveģijā / F. Igals // Brihwas Zemes Ilustrētais Peelikums. – 1934. – № 21–23.
33. Jakovļeva, M. Engures dzelsmanufaktūras darbība 17.–18. gadsimtā / M. Jakovļeva // Latvijas Vēstures Institūta Žurnāls. – 2001. – № 1 (38). – 54.–83. lpp.
34. Jekabson-Lemanis, K. Balts in the Caribbean. The Duchy of Courland's attempts to colonize Tobago Island, 1638 to 1654 / K. Jekabson-Lemanis // Caribbean Quarterly. – 2000, June. – Vol. 46, № 2. – P. 25–44.
35. Juškevičs, J. Hercoga Jēkaba laikmets Kurzemē / J. Juškevičs. – Rīga: Valstspārīru spiestuves izdevums, 1931. – 671 lpp.
36. Latvijas Valsts vēstures arhīvs (LVVA). – Ф. 554. Оп. 1. Д. 837. – Корабельные счета 1654–1668. Переплетенная въ пергаментъ тетрадь съ указателемъ герцогскихъ кораблей.
37. LVVA. – Ф. 554. Оп. 1. Д. 2057. – Прошения съ приложеніями 1755 г. (Январь, Мартъ, Июнь–Октябрь).
38. Mattiesen, O. H. Die Kolonial- und Überseepolitik der kurländischen Herzöge im 17. und 18. Jahrhundert / O. H. Mattiesen. – Stuttgart: W. Kohlhammer, 1940. – XLIII, 1015 S.

39. Olbrychski, A. Tobago: zamorskie kresy Rzeczpospolitej [Электронный ресурс] / A. Olbrychski // Histmag.org. – 20.05.2014. – Режим доступа: <http://histmag.org/Tobago-zamorskie-kresy-Rzeczpospolitej-9488>. – Дата доступа: 07.05.2017.

40. Repertorium der verhandelingen en bijdragen betreffende de geschiedenis des vaderlands in tijdschriften en mengelwerken tot op 1900 verschenen / Commissie voor Geschied- en Oudheidkunde van de Maatschappij der Nederlandsche Letterkunde te Leiden; bewerkt door L. D. Petit. – Leiden: E. J. Brill, 1907. – 1638 p.

41. Sewigh, H. Eine kurländische Colonie / H. Sewigh // Baltische Monatschrift. – 1872. – Bd. 21. – S. 1–40.

42. Sitzungsberichte der kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst und Jahresbericht des kurländischen Provinzialmuseums aus dem Jahre 1893 / Kurländische Gesellschaft für Literatur und Kunst; Präsident: R. von Hörner. – Mitau: J. F. Steffenhagen und Sohn, 1894. – 156 S.

43. Walther, F. L. Neueste Erdkunde, welche Asien, Afrika, Europa, Amerika, die Südländer oder den fünften Welttheil, und die Polarländer nebst einem Anhange von der natürlichen und wissenschaftlichen Erdkunde, aus den neuesten und zuverlässigsten Reisebeschreibungen, historischen Zeit- und andern Schriften, enthält / F. L. Walther. – Nürnberg; Altdorf: G. P. Monath, 1785. – 391 S.

44. Wijk (Roelandszoon), J. van. Algemeen aardrijkskundig woordenboek volgens de nieuwste staatkundige veranderingen, en de laatste, beste en zekerste berigten: in 11 delen / J. van Wijk (Roelandszoon). – Dordrecht: J. de Vos & comp. en J. Pluim de Jaager, 1821–1842. – 6. deel: Qual.–Thom. – 1821–1827. – P. 1017–1496.

45. Ziegenhorn, C. G. von. Staatsrecht der Herzogthümer Curland und Semgalen / C. G. von Ziegenhorn. – Königsberg: J. J. Kanter, 1772. – XLVI, 476 S.

Приложение

Трудовой контракт между курляндским герцогом Якобом и «русаками», заключенный 3 февраля 1666 г.

[Latvijas Valsts vēstures arhīvs (LVVA). – Ф. 554. Он. 1. Д. 2057. –

Прошения съ приложениями 1755 г. (Январь, Мартъ, Июнь–Октябрь), л. 69]

My nizey pomienieni oznaymuiemy izesmy przystali na Robote do Xcia Jmsci Kurlandskiego Pana Naszego Miłosciwego, koja ma byc kopanie Korzeni na robienie Smoły w Angorach Majętnosci Xcia Jmsci, a za ieden sazen Korzenia ma my dostac za ieden Zbozem, albo inszymi leguminami. A skoro nastanie Pora Zeglowania, tedy ktorzy z nas zechcą obiecuiemy iechac do Norwegij na Robotę, za którą na Czwierc ma nas dochodzie za dziesięc pieniędzy na iedną osobę, na Strawe takze Legumina te. Zyta Purow trzy, Jęczmienia Purow cztery, Pułpura grochu, albo krzyni Czwierc Słoniny, Dwa Pundele Soli, co ma byc na iedną osobę na Czwierc Roku. Działo się w Mytawie d. 3 Februarij A° 1666.

Alexander Chwiedorowicz, Pachom Stasko, Miķuła, Tyszko, Chwieder Cruber, Atroszka, Lewon Harencarowicz, Iwan, Roman, Stasko Łysy, Hryszko Chmiel, Klimato Dudar, Michałko, Maciusz, Joachim Skrzyпка.

Ja Kaspar Dregniewicz swiadczę y przyznawam że ёi wzyżpomieni Rusacy tak Się podieli y przyobieli [подпись Каспара Дрегневича написана почерком, отличающимся от основного текста, в частности, своей неряшливостью; печатью не сопровождается. – *O. E.*].

Imionu tych ktury drugiego dnia potamtych przyszli to iest 4 Februarij, ёi takze maią według tego contractu robic, y to tez ma ich dochodie. Jan Koroniewski, Wilchelm, Jasko Syn Wilchelma, Olexiey Dragon, Iwaszko Stodolnik.

Перевод

(выполнен автором статьи)

Мы, нижеупомянутые, сообщаем, что мы нанялись на работу к Его Светлости герцогу Курляндскому, нашему Милостивому Господину, которая заключается в копании кореньев с целью добычи смолы в имении Ангоры, принадлежащем Его Светлости герцогу, а за одну сажень кореньев нам причитается одна мера ржи или других зерновых. А как только настанет пора мореходства, обещаем – те из нас, кто того пожелает – ехать в Норвегию на работу, за которую на четверть года нам причитается доход в размере десяти денег [рейхсталеров. – *O. E.*] на одного человека, а также продовольствие в виде следующих зерновых [как хлебных, так и зернобобовых. – *O. E.*]: ржи – три пуры, ячменя – четыре пуры, гороха – полпуры, либо четверть ящика солонины, два пунделя соли, что полагается на одного человека на четверть года. Свершено в Митаве 3 февраля 1666 г.

Александр Хведорович, Пахом Сташко, Микула, Тышко, Хведер Крубер, Атрошка, Левон Харенкарович, Иван, Роман, Сташко Лысый, Грышко Хмель, Климато Дудар, Михалко, Мацей, Иоахим Скрыпка.

Я, Каспар Дрегневич, свидетельствую и признаю, что все эти вышеупомянутые русаки согласились с этими условия и приняли их.

Те, которые пришли на следующий день, т. е. 4 февраля, также обязуются выполнять работу, согласно настоящему контракту, и иметь тот же доход. Их имена Ян Короневский, Вильгельм, Яшко, сын Вильгельма, Алексей Драгон, Ивашко Стодольник.